

«УТВЕРЖДАЮ»

И. о. проректора по научной работе

Федеральное государственное

бюджетное образовательное

учреждение высшего образования

«Санкт-Петербургский

государственный университет»

С. В. Микушев

28 апреля 2025 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» на диссертацию НАЗУКИНОЙ МАРИИ ВИКТОРОВНЫ «КОНСТРУИРОВАНИЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ», представленную на соискание ученой степени доктора политических наук по специальности 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

Актуальность диссертации Назукиной Марии Викторовны не вызывает сомнений, поскольку исследования проблем формирования и политического использования региональной идентичности сегодня востребованы в отечественной и мировой политической науке.

Современный человек, живущий в динамично меняющемся мире, является носителем целого «ансамбля» идентификаций. Ему свойственна так называемая «разделенная лояльность» – т.е. множественность форм самоидентификации. В зависимости от обстоятельств индивид может по-разному себя идентифицировать. В результате, эти идентичности не растворяются друг в друге, но накладываются друг на друга, сохраняя свои узнаваемые черты и в сознании индивида складывается некая иерархия «народов», к которым он себя причисляет: «народ» его селения или города, народ его региона, наконец, народ его родной страны. Однако вопрос в том, какое место в иерархии идентичностей конкретного человека занимает каждый из этих «народов»? Кроме того, давно известно, что различные идентичности, носителем которых является отдельный индивид или группа могут усиливать друг друга или конфликтовать одна с другой. Так, еще «отец европейского консерватизма» Эдмунд Берк отметил, что главный принцип (зародыш) общественного поведения – привязанность к малому, к тому фрагменту социума, к которому мы принадлежим по рождению. При этом,

отмечает британский мыслитель, «любовь к целому отнюдь не устраняется этой привязанностью к малому».

Историческое развитие нашего мультикультурного, мультиэтнического, мультиконфессионального Отечества подтверждает это, оно всегда было неразрывно связано с формированием и сосуществованием на ее огромном пространстве не только этнокультурных, но и территориальных общностей, заметно выделяющихся своей индивидуальностью, имеющих свою социокультурную специфику, которую и определяют понятием «региональная идентичность».

Идентичности как избирательные и описательные конструкты могут использоваться и активно используются в политических интересах. Более того, можно вспомнить, что П. Бурдьё понимал политику как символическую деятельность, осуществляемую с помощью знаков, способных производить социальное. Согласно базовым положениям социального конструктивизма, формирование новой социальной реальности начинается с категоризации/рекатегоризации социальных объектов и объективации новых категорий в языке, а завершается их легитимацией и институализацией, следовательно, и сами социальные группы реальны благодаря легитимации и институализации представлений людей о собственной принадлежности опять же посредством дискурса.

На основании этого можно заключить, что существование социальных общностей, в том числе региональных, является, прежде всего, реальностью дискурсивных практик и отношений, а не реальностью некоего набора объективных признаков. Действительно идентификация зависит от того в какие отношения посредством дискурса вступает индивид или группа со своим окружением.

Таким образом, одной из основ процесса легитимации региональной власти выступает борьба за «конструирование классифицирующего основания», которое позволило бы обеспечить лояльность регионального сообщества, вопросы же отличительных черт и характеристик, которые нужно актуализировать, либо снять с повестки дня, относятся к сути политики идентичности.

В этой связи, как представляется, к числу главных задач исследователя-регионоведа относятся ответы на вопросы: какие социальные силы или группы контролируют формирование и приписывание региональных идентичностей, на какой основе эти идентичности строятся и институализируются, как эти идеи и образы распространяются и укореняются в региональном социуме, какой потенциал для конфликта или сосуществования с «другими» они содержат?

Именно эти вопросы оказались в центре диссертационного исследования М. В. Назукиной.

Во **Введении**, как и положено, автором убедительно обосновывается актуальность темы исследования, дается развернутая и очень содержательная характеристика степени ее научной разработанности, определяются объект,

предмет, формулируются цель и задачи исследования, описываются методология и используемые методы, рассматривается эмпирическая база диссертации, раскрываются научная новизна, теоретическая практическая значимость проделанного исследования, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе: **«Конструирование и институционализация идентичности как объект изучения политической науки»**, которая носит преимущественно методологический характер, с опорой на широкий набор источников, автором определяются ключевые понятия исследования: «идентичность», «идентификационная матрица», «территориальная идентичность», «региональная идентичность».

Затем, с опорой на работы ряда ведущих западных и отечественных представителей социального конструктивизма диссертанткой вычленяется и описывается исследовательский инструментарий, необходимый для анализа политики региональной идентичности. При этом, политика региональной идентичности определяется как практика, направленная на конструирование границ регионального сообщества, символизацию групповой идентичности и образов «мы – они». В свою очередь, институционализация региональной идентичности описывается, как процесс, посредством которого регионалистский дискурс приобретает ценность и устойчивость в политическом курсе, направленном на формирование, поддержание региональных порядков и публичное признание региональной идентичности.

В результате, М. В. Назукиной предложена и используется в последующих главах интересная трехуровневая модель институционализации региональной идентичности.

Вторая глава диссертации: **«Субъекты конструирования и институционализации региональной идентичности в РФ»** носит более прикладной характер и посвящена исследованию основных субъектов конструирования и институционализации региональной идентичности, к числу которых автор относит: глав исполнительной власти регионов РФ, средства массовой информации, символные элиты, в состав которой прежде всего включает представителей региональной научной и творческой интеллигенции (интеллектуалов). При этом, если дискурс глав регионов был проанализирован на эмпирическом материале ежегодных «посланий» – официальных публичных выступлений высших должностных лиц (губернаторов) перед депутатами представительных органов власти субъектов РФ, то в качестве примера конструирования региональной идентичности через медиадискурс рассматривается случай Дальнего Востока, дискурса интеллектуалов – Сибирь, то есть используется макрорегиональный уровень, что, как представляется, требует авторского пояснения. Затем диссертант обращается к рассмотрению особенностей конструирования и институционализации региональной идентичности в республиках РФ, в которых этничность используется как ключевой элемент политики идентичности, поскольку она еще во времена существования СССР была

институализирована и политизирована и потому и сегодня играет важную роль в республиканском политическом процессе.

В третьей главе: **«Инструменты конструирования и институционализации региональной идентичности»** осуществляется анализ особенностей использования целого набора вполне традиционных и новых инструментов региональной политики идентичности. Выделяется и дается характеристика следующих инструментов: номинирование; монументализация или маркировка знаковых мест или «мест памяти» по определению П. Нора; празднование знаковых событий, для укрепления их символической роли; мифотворчество или производство нарративных историй; символическое позиционирование и брендинговые практики, связанные с конкурсными механизмами и технологиями. При этом, автор вполне обоснованно особое внимание уделяет брендинговым практикам, которые используются на уровне регионов только в последние два десятилетия. Особенно же интересен и инновационен, осуществленный диссертантом, анализ воздействия участия регионов в ряде федеральных символических на практики конструирования и институционализации региональных идентичностей.

Сильное впечатление оставляет четвертая глава диссертации: **«Конструирование и институционализация пермской региональной идентичности»**, в которая, по словам автора, имеет целью тестирование созданных теоретических моделей на практиках конструирования и институционализации региональной идентичности в отдельном регионе (Пермском крае). И эта цель успешно достигнута.

В **Заключении** диссертации подводятся основные итоги исследования, формулируются значимые и эмпирически подкрепленные выводы.

Диссертационное исследование М. В. Назукиной построено логично, что позволило автору полно раскрыть заявленную тему. Автор успешно использует конструктивистский подход для исследования конструирования и институализации региональной идентичности в современной России. Актуальность работы убедительно показана во Введении и тексте диссертации.

Для написания диссертационной работы автор использовал впечатляющий круг литературы и источников по теме исследования на русском и иностранных языках (690 наименований). Следует отметить широкое использование региональных источников, часто мало известных российским политологам. В диссертацию включено содержательно Приложение, «работающее» на более полное раскрытие изучаемой проблемы. Таким образом, в целом, диссертация М. В. Назукиной отличается полнотой и корректностью проведенного исследования, научной новизной и практической значимостью полученных результатов.

Однако, несмотря на высокий профессиональный уровень проведенного исследования, в нем можно отметить некоторые недоработки и недостатки.

1. Фактически совпадают по содержанию формулировки Объекта и Предмета исследования, что косвенно подтверждает и сам автор, поскольку уже на стр. 3 пишет: «...вопрос конструирования идентичностей или, как еще называют данные практики, «политика идентичности» является актуальным при обращении к политическим процессам на субнациональном уровне».

2. Несмотря на то, что достаточно большой фрагмент текста параграфа 1.1. посвящен выяснению содержания понятий «индивидуальная и групповая идентичности», остается неясным как же они между собой связаны. То же самое можно сказать и об описании в параграфе 1.2. соотношения понятий «символическая политика» и «политика идентичности», поскольку позиция автора по этой проблеме также осталась до конца не проясненной.

3. На стр. 33 автор пишет: «Методологические вариации и содержательная широта демонстрируют глубину концепта (идентичности), его возможности и объяснительный потенциал для понимания мотивации социального и политического поведения». Конечно, законное право диссертанта так оценивать этот концепт. Однако в диссертации не отмечено, что в научной литературе есть и другая точка зрения на эту проблему. Так, Р. Брубейкер и Ф. Купер в своей знаковой статье «За пределами «идентичности», посвященной анализу чрезмерной многозначности и неопределенности понятия «идентичность», в результате предлагают вообще от него отказаться и использовать понятие «идентификация» (которое в диссертации почти не используется). Эту позицию поддержали многие западные и российские исследователи. Смотри, например, известную статью «Неудобства с идентичностью» (Вопросы философии. – 1992. – № 2. – с. 43–53) ведущего российского политолога В. С. Малахова.

4. Несомненно, что автор использует в диссертации чрезвычайно широкий круг источников и литературы, и излагает содержания целого ряда важных теоретических концептов. Тем не менее, можно указать на некоторые важные источники и концепты, которые остались вне поля зрения диссертанта. Так автор не использовал работы социолога Л. Гудкова (Гудков Л. Негативная идентичность. М., 2004 и др.), известного этнополитолога Э. Паина (Пайн Э., Федюнин С. Нация и демократия: перспективы управления культурным разнообразием. М.: Мысль, 2017 и др.), известного политолога В. С. Малахова (Малахов В. С. Культурные различия и этнические границы в эпоху глобальных миграций. М., 2014 и др.), не менее известного этнолога В. А. Тишкова, который к тому же является создателем и руководителем «Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов», ежегодные доклады которой содержат огромный эмпирический материал по этнополитической проблематике. В списке литературы только упоминается одна старая статья известного этнолога из Сыктывкара Ю. П. Шабаева, который является автором множества публикаций, связанных с темой диссертации. Среди недавних его работ книги: Шабаев Ю. П., Омаров М.А. РЕГИОНАЛИЗМ И ЭТНИЧНОСТЬ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ / Под общей редакцией Ю. П. Шабаева. М.:

Изд-во РГГУ, 2021 и «Языковое образование и просвещение как механизм укрепления региональной и общероссийской идентичности в молодёжной среде» - д.и.н. Шабает Ю. П. (ИЯЛИ ФИЦ КомиНЦ УрО РАН), к.и.н. Подоплёкин А. О. (ФИЦКИА УрО РАН) и др., отв. редактор д.полит.н. Омаров М.А. (РГГУ). М.: Изд. РГГУ, 2023. Почему-то не использует диссертант и работы «соседей» из Татарстана – А. Г. Большакова, О. И. Зазнаева, М. Х. Фарукшина и др.

Кроме того, диссертант даже не упоминает целый ряд известных теоретических концептов, тесно связанных с темой его исследования: концепция «ментальной картографии» Л. Вульфа и др., концепция «строительства регионов» И. Нойманна, концепция «внутреннего колониализма» М. Хечтера, концепция «мест памяти» П. Нора, концепция «изобретения традиции» Э. Хобсбаума.

5. На стр. 46 автор пишет: «В ряду пространственно-территориальных идентичностей макрорегиональный уровень занимает промежуточное положение между региональным и национальным. С другой стороны, помимо межрегиональных территориальных сообществ внутри государства **макрорегионами часто называют возникающие наднациональные образования (в частности, Европейский союз), а также регионы, опирающиеся на общие цивилизационные основания (Европа, Азия, Америка и др.)**» ?? (см. также с.48) Однако, во-первых, Европейский союз никогда не называли макрорегионом; во-вторых, какие общие цивилизационные основания имеют Европа, Америка и особенно Азия?; в-третьих, автор забывает о создании, в рамках европейской региональной политики, транснациональных «еврорегионов», включающих приграничные регионы двух и более государств членов ЕС, в целях мобилизации их совокупного экономического, социального и культурного потенциала. Более того, предпринимались попытки, правда неудачные, формирования «еврорегионов» на границах России и государств-членов Евросоюза: еврорегион «Карелия» (восточные уезды Финляндии и Республика Карелия) и еврорегион «Балтика»; в-четвертых, на стр. 47 утверждается, «такие макрорегионы можно считать «воображаемыми»», однако, как представляется, внутригосударственные регионы тоже могут считаться «воображаемыми».

6. В тексте имеют место логические разрывы — с.50, 131 и др. Так, на стр. 50, происходит неожиданный переход к обсуждению социологических методов исследования региональной идентичности, затем на стр. 51–54 — опять смена жанра повествования — предлагается краткий реферат книги Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый хронограф, 2010. В целом, в тексте есть определенные фрагменты, которые скорее являются рефератами работ по теме исследования (особенно с. 58–69).

7. Как представляется, параграф 2.3. «Специфика конструирования и институционализации региональной идентичности в этнических республиках» — это недостаточно критическое описание процессов конструирования мифов в этнических регионах РФ. В связи с этой темой, в

Заключении, автор повторяет вывод: «Третье измерение, связанное с региональной субъектностью и позиционированием региона, обнаружилось в подавляющем большинстве случаев в виде встраивания в общероссийскую гражданскую идентичность» (с 291). Однако, как обстояло дело с этим «измерением» в 1990-е и даже начале 2000-х гг. во многих этнических регионах РФ? Об этом в тексте диссертации почти ничего нет.

8. В тексте встречаются спорные, неточные, стилистически неудачные, непонятные авторские суждения и повторы. Так, на стр. 33 утверждается: «понятие «идентичность» можно поставить в один ряд с такими понятиями, как «гендер» или «этнос», при этом оно оказывается более универсальным». Однако, если исходить из положений социального конструктивизма, то этнос и гендер это тоже идентичности; на С. 43 читаем- «Политические категории (**национальность, гражданство,**(?) идейно-политическая ориентация, партийная принадлежность и др.)». Однако с позиций социального конструктивизма национальность и гражданство это одно и то же; на С.46 читаем: «Институциональное **основание** в создании регионов **предполагает** (?), что территориальная идентификация **основывается** на конкретных политических субъектах и институтах (таких как государство или регион)»; на С. 45 – «Она (идентичность) связана с волеизъявлением людей в достижении общей цели, повышает их личную активность и влияние за счет этого регионального развития и планирования»? Вопрос, в чем смысл этого суждения?; на С. 47 появляется «институт прописки», которого в РФ нет; на С. 70 автор пишет: «Важным уровнем институционализации региональной идентичности является измерение культурного уровня идентичности...» - Вопрос, что такое измерение культурного уровня идентичности?; на С. 76 – появляются некие «негосударственные партии»?; на С. 207 читаем – «Этничность политизируется, когда внешний мир для региона воспринимается как «значимый другой»?». – Вопрос, разве можно ответить на вопрос «Кто мы?» без наличия «значимого другого» и разве это обязательно означает политизацию идентичности?; непонятно также почему содержание концепций символической политики М. Эдельмана, У. Сарцинелли и Т. Майера, О. Рябова излагается автором по вторичным источникам? (С. 65-66, 68); на С. 214 читаем «Так, в новостях июля 2020 года появилась информация о создании «Котокарты России» и конкуренции нескольких городов (Астрахани, Вологды, Зеленоградска, Самары, Санкт-Петербурга, Ульяновска) за статус «Кошачьей столицы России»? Вопрос, какие отношения такого рода «проекты» имеют к проблематике формирования политического измерения региональной идентичности? и т.д.

Как представляется, почти все эти огрехи следствие того, что текст диссертации недостаточно вычитан.

Вместе с тем, указанные замечания в целом не умаляют высокой научной значимости диссертационной работы М. В. Назукиной. В диссертации исследована актуальная для российской политологии научная проблема. Автором проделана большая теоретическая и поисковая работа.

Основные положения и выводы диссертации представляются вполне обоснованными и характеризуются высокой степенью достоверности и новизны. Опубликованные работы автора полно отображают основные результаты проведенного исследования. Содержание диссертации соответствует специальности 5.5.2 Политические институты, процессы, технологии (по политическим наукам).

Таким образом, диссертация «Конструирование и институционализация региональной идентичности в современной России» соответствует требованиям п. 9–14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842 (в действующей редакции), а ее автор, Назукина Мария Викторовна, заслуживает присуждения ученой степени доктора политических наук по специальности 5.5.1 Политические институты, процессы, технологии (политические науки).

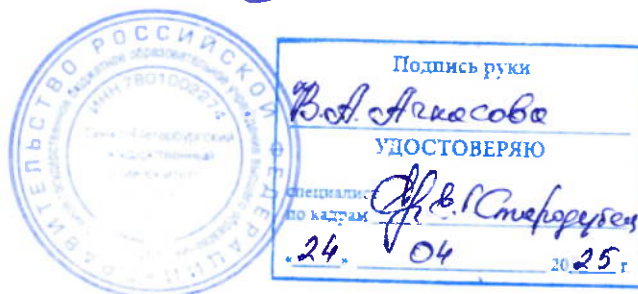
Отзыв подготовлен профессором Кафедры этнополитологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», доктором политических наук Валерием Алексеевичем Ачкасовым.

Отзыв обсужден и утвержден на заседании Кафедры этнополитологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (Протокол № 5 от 22 апреля 2025 г.).

Согласен на обработку персональных данных при размещении отзыва в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Заведующий Кафедрой этнополитологии
Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский
государственный университет», профессор
доктор политических наук

В. А. Ачкасов

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»
Адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9.
Телефон (812) 328-97-01
E-mail: spbu@spbu.ru